

2. *Герцен А. И.* Кто виноват? : роман; Повести и рассказы. Л. : Худож. лит. : Ленингр. отд-ние, 1986. 333 с. (Классики и современники. Рус. классич. лит.).

3. *Гинзбург Л. Я.* Автобиографическое в творчестве Герцена // Герцен и Огарев в кругу родных и друзей : в 2 кн. / отв. ред. Л. Р. Ланский и С. А. Макашин. Кн. 1. М. : Наука, 1997. С. 7–54 (Лит. наследство ; т. 99).

4. *Григорьян К. Н.* Повесть А. И. Герцена «Сорока-воровка»: (к вопросу о каноническом тексте) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. IX. Вып. 4. С. 303–310. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1950/04/504-303.htm> (дата обращения: 29.05.2017).

5. *Савкина И. Л.* Женское письмо как само(о)писание: письма Натальи Захарьиной к жениху (1835–1838 гг.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_e.htm (дата обращения: 29.05.2017).

6. *Туниманов В. А. А. И. Герцен* // Истории русской литературы : в 4 т. / гл. ред. Н. И. Пруцков. Т. III : Расцвет реализма. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1982. С. 232–278. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/r10/r13/r13-2322.htm?cmd=2> (дата обращения: 29.05.2017).

Т. Я. Каменецкая (Екатеринбург)

«Кулинарная организация» художественных произведений Ф. М. Решетникова: автор / повествователь – герой-кулинар / герой-едок

Одним из постоянных и важных топосов в произведениях Ф. М. Решетникова является описание кулинарных пристрастий персонажей. В своем дневнике и письмах Решетников неоднократно рассказывает о своем меню, любимых и необходимых блюдах. В данной работе мы проанализируем, какую роль тема потребления и приготовления пищи играет в выстраивании типологии героев в произведениях уральского писателя. В качестве частных вопросов рассмотрим: какое меню объединяет героев одной профессии; как автор разворачивает проблему соотношения качества блюд и их количества, освещает ценовой аспект составляющих обеденного стола. Помимо этого, остановимся на том, как разница «кулинарных хронотопов» выявляет различия в судьбах героев.

«Кулинарная организация» в контексте нашей работы – это интерпретация известного литературоведческого конструкта «субъектная организация»¹, который мы трактуем как соотнесение всех отрывков текста, составляющих в совокупности произведение, с «используемыми» в нем субъектами – автором-повествователем (или рассказчиком) и персонажами, которые выступают в роли повара-кухаря (кулинара) или едока. Анализ «кулинарной организации» текста позволяет в новой перспективе выявить точку зрения автора, обнаружить его личные предпочтения в еде, а также проследить жизнь «забытых людей» второй половины XIX в. в свете актуального на данное время интереса к истории повседневности.

О значимости для писателя сферы питания, закупки и приготовления продуктов свидетельствуют дневники и письма Ф. М. Решетникова. Обладая ограниченным количеством средств на существование, Решетников жил и питался достаточно просто, был вынужден подсчитывать расходы на каждый приобретенный им продукт – ценовая сторона покупок играла важную роль в его выборе. Так, в дневниковой записи от 1861 г. читаем: «...за квартиру – 1 р. 50 коп. На говядину 3 ф. по 3 коп. сер. Хлеба на 60 коп. и молока на 60 коп. ... буду жить как бог велит» [3, т. VI, с. 267].

В одном из писем жене Решетников также до копейки просчитывает бюджет, пишет о покупке табаку 1 ф. – 3 р., причем отмечает, что взял 1 ф., потому что это «и дешевле и сердитее»; рассказывает, что купил «чаю 2 ф. и сигар для себя в 2 р.» [Там же, с. 357]. Фиксируя приобретение продуктов, писатель анализирует и приводит доводы о правильности своего выбора: «Масла я не куплю, потому что это уже роскошь. Кофей мелкий и крупный аравийский, стоит пуд 18 р., но я куплю 0,5 пуда этого кофейю. Муки покупать не стану, денег не хватит» [Там же, с. 357].

В эпистолярии Решетникова запечатлены и факты покупки продуктов, и факты приема пищи. Так, в письме Ф. С. Каргополову писатель признается, что «съел 125 пельменей», но «доберется и до остальных» [Там же, с. 360]; временной отрезок, за который было съедено такое количество пельменей, не указывается.

Письма и дневник писателя, отражая его размышления относительно скудности и печальности положения, «долговой ямы», невозможности полной самореализации и т. д., содержат характерный эпитет

¹ При анализе повествования в художественном произведении мы обращаемся к теории субъектной организации текста Б. О. Кормана, которая предполагает соотнесение «всех отрывков текста, составляющих в совокупности данное произведение, с используемыми в нем субъектами» [1, с. 29].

«дрянной», который в данном дискурсе Решетникова становится постоянным: в Петербурге он снимает «дрянную квартиру с дрянною пищею» [Там же, с. 348].

В своих произведениях бытописатель Решетников отражает различные меню, характеризующие обыденную жизнь его героев – жителей уральской глубинки XIX в. Писатель подробно и максимально приближенно к реальности изображает рацион различных социальных групп, чаще всего обращаясь к описанию жизни низших сословий.

Наиболее реалистично и полно Решетников рисует *обед ямщиков* («Очерки обозной жизни», 1867). О ямщицкой трапезе читатель узнает из уст героя-рассказчика, путешествующего из Екатеринбурга в Пермь и захавшего по пути на постоялый двор. Он внимателен: слушает, наблюдает и делает выводы, при этом его точка зрения максимально близка авторской. Решетников скрупулезно передает все стадии приема пищи ямщиками, так что в ситуации обеда прослеживается свой сюжет. Вначале ямщики пьют чай: «Каждый ямщик выпил по десяти чашек чаю. Выпили два самовара» [3, т. II, с. 200]. По прошествии получаса обед продолжается, набирает обороты, одно за другим на столе перед ямщиками появляются блюда: щи, говядина, каша. Рассказчик описывает обед в деталях, и данное описание выдает в нем бывалого путешественника, пытливый взгляд которого не без удивления фиксирует дорожные перипетии. Он отмечает, что ложки были «тоже аппетитные, такие, что не влезали в ... рот», «что крестьяне и вообще ямщики не хлебают с говядиной, а говядина у них второе блюдо» и съедают ямщики за раз «шесть тарелок»; кашу ямщики едят «не грешневую, а пшеничную», и если «до белого хлеба никто не дотронулся: значит, все были сыты» [Там же, с. 202]. Рассказчик «Очерков обозной жизни», детально воссоздающий картину трапезы ямщиков, выражает авторское знание повседневной жизни этой группы крестьян.

Ямщицкий обед на постоялом дворе очень напоминает *бурлацкий обед*, описанный в повести «Подлиповцы». Обед бурлаков включает в себя те же щи, хлеб, однако, в отличие от ямщиков, для которых готовит хозяйка, бурлаки варят себе обед сами – в больших котлах, и говядина у них «дрянная». Повествователь, с позиции которого мы узнаем о бытоустройстве бурлаков, также не лишен внимательности к деталям: он описывает кухонную утварь, заведенную ими для готовки: «Накопившие рубля три денег покупают в заводе у рабочих чугушки, сковородки, сковородники... очень дешево и тащат в барки» [3, т. I, с. 65]. Как и ямщицкий обед, обед бурлаков имеет свой сюжет. Вначале

повествователь достаточно скуп в описании бурлацкого рациона – это связано с недолгим знакомством читателя с бытом героев, работающих на реках. По мере продвижения действия повести описания бурлацкой жизни становятся все более подробными – фрагменты, рисующие быт рабочих, встречаются более эмоциональные. Обед для бурлаков, как следует из текста, – синоним долгожданного отдыха, краткий период свободы. Решетников показывает общую радость рабочих, их единение в момент принятия пищи – описание бурлацкого обеда занимает четверть страницы: «...они дружно ели кучками и ели очень много, так много, что другой крестьянин не съест столько: возьмет пленку луку, съест – мало, еще съест; возьмет огурцы, съест, у другого попросит; нальет из котла щей в большую деревянную чашку, накрошит в нее хлеба, водицы речной подольет и хлебает огромной бурлацкой ложкой. Целого котла не доставало на толпу, и они, выхлебав щи, нальют в чашку воды и опять хлебают с крошками. Да и щи-то какие: вода да мясо, без всякой приправы... Зато все едят дружно, не сердятся, не завидуют, как будто все родные братья» [Там же, с. 74].

Широта события бурлацкого обеда, невероятное количество поглощаемого рабочими подчеркивается лексическими средствами: наречие «много» повторяется дважды, деревянная чашка для щей – «большая», бурлацкая ложка – «огромная»; описание строится на глагольных конструкциях со словами «съест» / «не съест» / «едят» / «ели» (7 раз), «нальет» / «подольет» / «нальют» (3 раза), «хлебает» / «хлебают» / «выхлебают» (3 раза).

Количество пищи доминирует над ее качеством, однако это, как подчеркивает автор, не становится источником недовольства. Наоборот – обед сплавливает бедняков перед лицом тяжелого труда и скудного существования, дважды в описании бурлацкого обеда повторяется наречие «дружно». Как следует из финала приведенного фрагмента, обед дает этим людям силы не только для физического выживания, но и создает атмосферу братства².

Жизнь представителей *духовенства* – в частности, ее бытовая сторона – находит отражение в таких произведениях Решетникова, как «Макся», «Подлиповцы», «Ставленник», «Никола Знаменский». Их гастрономические предпочтения также не скрываются от взгляда писателя; так, в дневнике 1857 г. Решетников пишет: «Когда я жил в Перми,

² В описания бурлацкой жизни Решетников, очевидно, опирается на объективные источники; см., напр.: [4, с. 20; 2].

я имел величайшее хотение, чтобы мне остаться в монастыре, но в Соликамске я в одну неделю познал нечестие монахов, как они пьют вино, ругаются, едят говядину, ходят по ночам, ломают ворота...» [3, т. VI, с. 261]. В своих произведениях он показывает, насколько значимы материальные блага для церковнослужителей, в том числе – достаток на столе. К тому, что люди приносят церковникам в дар продукты, автор относится неоднозначно. Так, в рассказе «Никола Знаменский» (1867) об этих подношениях говорится с доброй иронией – автор снисходителен к своему персонажу и прощает ему подобные взимания. Никола Знаменский являет собой образ попа-чудака, который и «свою обязанность знал плохо» [3, т. I, с. 111], однако люди его принимают и по доброй воле несут подарки: «...всякую всячину: морошку, соленые грузди, яйца» [Там же]. Автор пишет об этом без осуждения; рассказ завершается словами, отражающими как народную, так и собственно авторскую точку зрения: «И теперь наши знаменские крестьяне помнят отца... “не бывать уж такому доброму попу, какой был Никола Знаменский”» [Там же, с. 124].

Иная картина рисуется в повести «Подлиповцы»: образ служителя церкви, делающего добро исключительно за подношения, однозначно отрицательный. Так, дьячок за свою помощь Сысойке, у которого умерли брат и сестра, просит корову, мотивируя это нехваткой денег, большой семьей («детей-то шестеро, да жена», «детей обучить надо» [Там же, с. 15]). Корова для бедных крестьян, как известно, была главным средством пропитания. В погибающей деревни Подлипная Чердынского уезда корова – это целое богатство, потеря которого способна привести семью к полному разорению и гибели. Повествователь передает размышления крестьянки Матрены, лишившейся в результате коровы: «Корова для нее была больше, нежели дети: дети ей ничего не давали, а корова снабжала всю семью молоком и летом не просила есть, а питалась в лесу, сама находила пищу» [Там же, с. 19].

Другой тип меню, представленный в прозе Решетникова, – *меню палубного пассажира*. Оно характеризует жизнь аристократов, путешествующих на пароходе (очерки «Старые и новые знакомые», «На палубе»). Однако обилием и изысканностью подобный стол отличается не всегда: так, в очерке «На палубе» (1863) встречаем такое описание: «На пароходе есть буфет или кухня, в которой двум человекам тесно. Повар, буфетчик и слуга-женщина. Она готовит порядочно. Кофе, дорогих вин и хороших булок в буфете нет. Папиросы дрянные, 3-го сорта» [Там же, с. 282]. Ключевым признаком всех составляющих пароходного буфета, как видим,

является недостаточность, ущербность. Количество продуктов питания преобладает над их качеством: в тесном буфете еды много, но она рассчитана на бедняков, папиросы же характеризуются уже известным решетниковским эпитетом «дрянные». Нельзя не отметить и видов, открывающихся с палубы: пароход проплывает мимо знакомых Решетникову не понаслышке Соликамского и Чердынского уездов (ссылка в Соликамский монастырь в 1855 г.) – «самых бедных в Пермской губернии» [Там же]. Берега вблизи Перми «бедны, судоходства незаметно... Леса мало» [Там же, с. 283]. Описание быта на палубе, таким образом, звучит в унисон минорной тональности пейзажных описаний.

Решетников дает подробный дневной рацион палубных пассажиров и, используя точку зрения рассказчика («На палубе»), выражает удивление их обжорству: «Выпив водки из бутылки или штофа, начинают пить чай с своими булками. Купцы, мещане и крестьяне пьют шесть и восемь стаканов или чашек чая – поодиночке или втроем. После чая едят с булкой же ягоды и закусывают арбузом. Солдаты, сказав: “съесть разве селяночки” – съедают каждый две порции “селянки”, три ломтя хлеба, три или четыре огурца и яиц, с чашкой воды. После этого съедают по четыре ломтя арбуза, если у кого есть – арбуз и ягоды. Купив что-нибудь на пристани, опять едят, все большей частью ягоды, или пробуют новые закупки» [Там же, с. 286, 287]. Как видим, писатель приводит гастрономические предпочтения пассажиров из различных социальных групп – объединяет их процесс приема пищи, обильное, планомерное поглощение одного блюда за другим.

Цена на продукты питания является важной составляющей «кулинарной» темы в прозе Решетникова. Так, например, в «Очерках обозной жизни» рассказчик фиксирует, что обед на постоялом дворе стоил ему 25 копеек. Прокопьевна из одноименного рассказа 1866 г. была торговкой, и, как отмечает повествователь, продавала свою выпечку, калачи, подсчитывая вечером доход – «гроши, копеечки, трехкопеечники» [3, т. II, с. 239]. В рассказе «Макся» (1864) бедный почтальон Максим Максимов жил в одном доме с другими почтальонами и ходил «на хлебы к семейному почтальону по 20 копеек в сутки» [3, т. I, с. 257]. В очерке «Лотерея» (1863) главный персонаж Гаврилы Семенович Павлов из города N работал в губернском правлении, занимался перепиской, «получал семь рублей в месяц», жил в одной комнате с семинаристами, «на пищу у Гаврилы Семеновича выходило в месяц пять рублей» [Там же, с. 305]. В дневной рацион Гаврилы Семеновича входили говядина, хлеб и крупа, щи, каша, иногда (когда позволяли средства) – чай и сахар.

Канцелярский служащий Павлов также не обходился без табака, по пять копеек за четверть фунта.

В ряде произведений Решетников описывает и процесс приготовления пищи, предшествующий картинам застолья («Очерки обозной жизни», «Кумушка Мирониха»). Наиболее ярко готовка и последующая трапеза показаны в рассказе «Кумушка Мирониха» (1865). Писательское мастерство Решетникова демонстрирует эпизод жарки пирожков кумушкой Миронихой и подачи блюда хозяйкой на стол: «Чашки были налиты, но чай не пили ни Мирониха, ни Ефим Игнатьич, а потому что первая жарила на сковородке пять пирожков с говядиной, а последний только слюни глотал, глядя на плиту, нюхая запах от пирожков и вслушиваясь в верещанье масла, подложенного под пирожки. Пирожки поспели, и Мирониха, выложив их на тарелку, поставила тарелку на стол перед чашкой Ефима Игнатьича. Ефим Игнатьич только мигает, а до горячих пирожков не дотрагивается.

– Ты што модничаешь-то? – крикнула на него хозяйка.

– Горячи» [3, т. II, с. 225].

Описание процесса готовки, актуализирующее не только зрительное восприятие, но и слух (запах пирожков) и обоняние («верещанье» масла), позволяет писателю максимально вовлечь читателя в реалистическую картину быта.

Отдельные акценты в художественной разработке темы питания Решетников делает на количественном факторе. Так, в «Очерках обозной жизни» рассказчик отмечает, что ямщики выпили по десять чашек чаю. Герой из рассказа «Кумушка Мирониха» выпил «две рюмки водки, пять чашек чаю со свежими сливками и съел восемь штук пирогов» [Там же, с. 225]. Никола Знаменский из одноименного рассказа любит вспоминать о своей свадьбе, и, с его слов, в первый день гости выпили «восемь корчаг браги да полведра вина» [3, т. I, с. 107].

Еда является персонажам Решетникова и в сновидениях. В повести «Подлиповцы» накануне печальных событий, приведших центральных героев к смерти, Пила видит во сне хлеб и рыбу: «– Слышь, Сысойко, какой я сон видел... Ходили мы в Перми, дома все иначе... Церквей сколь!.. Хлеба так и наложена целая гора... Набрали мы много хлеба... Идем-идем, да и очутились в реке, и хлеба нет, – невод тащим... Вытащили – ничего нет; ошшо пошли, много достали рыбы... Столь много, што ужаста... Потом в варнице очутились... Печь большая-пребольшая; все дрова кидают, и мы кидам... и вижу я в печке-то Апроську... Кричит она: тятка, вытащи! Ужаста... Стою

я и не смею в печку водти, а только тебя жгет-жгет, и сам будто ты в полыме стал. Кричу я эдак, а меня в печку толкают» [Там же, с. 92]. Этот сон в судьбе героев становится своего рода пророческим: образ невода и вытянутой им рыбы во сне Пилы «симметричен» в реальной истории (см. следующий за описанием сновидения фрагмент) образу бурлаков, тянущих и не могущих сдвинуть с места судно. И во сне, и в реальности героям уготован трагический финал: в сновидении Пилы они с Сысойко погибают в печи, в действительности – из-за лопнувшей бечевы героев отбрасывает: сначала умирает Пила, затем Сысойко.

Введение Решетниковым в повествование сна героя, который по ходу действия оказываются проекцией реальности, отражает жизненную позицию автора, его фаталистическое видение мира. Эту авторскую точку зрения в «Подлиповцах» высказывает повествователь: «Родился человек для горе-горькой жизни, весь век тащил на себе это горе, оно и сразило его... Вся жизнь его была в том, что он старался найти себе что-то лучшее...» [Там же, с. 94]. В целом, повесть призвана наглядно и без прикрас показать весь трагизм жизни бурлаков, которая может оборваться в любой момент, и человек не в силах предотвратить свою гибель. И. С. Скворцов проводит связь между описанием бурлацкой жизни в прозе Решетникова с опубликованными в периодике во второй половине XIX в. этнографическими материалами и находит много общего (см.: [5, с. 104–108]), в своих доводах ученый опирается на данные «Заметок во время плавания по реке Чусовой» Я. Рогова, вышедших в «Журнале министерства внутренних дел» в 1857 г. [4].

Выделение кулинарной темы в творчестве Ф. М. Решетникова и ее исследование в ряде произведений писателя приводит нас к следующим выводам.

1. Фрагменты произведений Решетникова, в которых раскрываются гастрономические пристрастия и рацион персонажей, в определенной мере автобиографичны, поскольку отражают непосредственно взгляд самого писателя на сферу питания, обусловленный, главным образом, его материальными возможностями и социальным положением в целом. На столе решетниковских героев – пища самая простая, блюда незатейливые. Некоторые персонажи – очевидно, как и сам писатель, – испытывают потребность в продуктах, являющихся по тем временам для большинства предметами роскоши, – кофе и табаке (см.: «Свой хлеб», «Лотерея»). Сходство в т. н. «кулинарных пристрастиях» Решетникова и персонажей его прозы обусловлено не только близостью их материального

и социального положений, но и единством места проживания – Уральским краем (Соликамск, Пермь, Екатеринбург и другие города).

2. Ф. М. Решетников, отвечая запросам реалистической литературы своего времени, подробно и скрупулезно изображает определенную среду, повседневную жизнь и быт той или иной социальной группы. Освещение сферы питания (приобретения продуктов, готовки, потребления пищи), таким образом, способствует созданию объемных и максимально достоверных образов обыденной жизни уральцев, обнажает социальную стратификацию, характеризующую российское общество второй половины XIX в. С точки зрения читателя, проза Решетникова выступает помимо прочего и историческим источником, запечатлевшим рацион крестьян, ямщиков, бурлаков, семинаристов, солдат и других представителей низших социальных групп того времени, отвечающий их материальным возможностям.

3. Внимание автора к т. н. «количественным показателям» в разработке темы питания обуславливает ее разворачивание в целые «кулинарные» сюжеты: так, в описаниях обедов героев-путников – ямщиков, бурлаков и пассажиров пароходов, – перед читателем открывается картина с перечислением в определенной последовательности блюд и прочих элементов трапезы. Отдельно акцентируется жизненная необходимость для героев тех или иных продуктов питания, нередко подчеркивается низкое качество потребляемой ими пищи.

Что касается собственно «кулинарной организации» произведений Решетникова в ее субъектных отношениях, модусах и залогах, отражающих сферы сознания и речи, то здесь мы характеризуем повествователя, рассказчика (первичных субъектов речи) и персонажей (вторичных субъектов речи) следующим образом. Для *повествователя* характерны:

– наблюдение и описание «извне», доминанта внешней точки зрения, дистанция между автором и повествователем сведена к минимуму; подобным отстраненным рассказыванием, как правило, начинается повествование о гастрономических привычках и рационе персонажей;

– частичный переход на точку зрения героя в несобственно-прямой речи; в этом случае в повествовании фрагментарно доминирует сознание персонажа, мысли героя о еде в речи повествователя передаются максимально достоверно (прием речевого натурализма); такое «приближенное рассказывание» используется в раскрытии уже конкретных, не собираемых, образов героев;

– полный переход на точку зрения персонажа, когда доминирует фразеологическая точка зрения. В этом случае именно персонаж озвучивает свои желания по части трапезы. Возникает иллюзия саморазвертывающейся

реальности, в которой герой словно начинает жить своей, отдельной от повествователя, жизнью. Герой, временно «завладевая» автором, становится самостоятельным субъектом речи и сознания.

Рассказчик в прозе Решетникова обладает сходными функциями, однако он непосредственно включен в мир героев. В этом случае актуализируется взгляд изнутри: о питании в жизни других персонажей мы узнаем или из наблюдений рассказчика, или с их собственных слов («Очерки обозной жизни»).

Повествователь в «кулинарной организации» текста выражает позицию автора – его стремление точно, достоверно воссоздать повседневность жителей уральской глубинки. Персонажи обладают в большей степени пассивной функцией, являются объектами исследования, описания, рассказывания. Однако порой превалирует именно вторичный субъект сознания, и в таких фрагментах текста относительно нейтральная манера повествования, близкая к собственно авторской, уступает экспрессивно-эмоциональной, отражающей сознание провинциалов-уральцев.

Персонажи, которых мы условно обозначили «едоками», – будь то отдельные герои, по-своему интересные писателю, или группы людей, объединенных профессионально или географически, – словно под увеличительным стеклом изучаются автором (в тексте – повествователем), на описание их кулинарных пристрастий отводятся, как правило, большие фрагменты повествования. Когда речь идет об отдельном персонаже (в несобственно-прямой речи) – доминирует взгляд изнутри; если же в центре внимания группа персонажей (к примеру, в повести «Подлиповцы») – обзор дается как бы «с высоты птичьего полета».

Герои, выполняющие роль повара-кухаря (по нашей классификации – «кулинары»), являются неотъемлемыми участниками «кулинарных» сюжетов. В своих произведениях Решетников создает образ Хозяйки, которая готовит вкусную пищу и угощает своих гостей («Очерки обозной жизни», «Тетушка Опарина», «Кумушка Мирониха», «Ставленник»).

Анализ «кулинарной организации» текстов Решетникова позволяет рассмотреть различные тональности в повествовании, сознание и речевые особенности жителей Уральского края. Будет справедливо отметить, что персонажи Решетникова едят, чтобы жить, и данное высказывание вполне отражает жизненные обстоятельства самого писателя, который, несмотря на активную литературную деятельность и множество публикаций в известных петербургских изданиях XIX в., мог позволить себе лишь необходимое.

Список литературы

1. *Корман Б. О.* Практикум по изучению художественного произведения : учеб. пособие. Ижевск : Изд-во ИУУ УР, 2003. 86 с.
2. *Корнилов И.* Волжские бурлаки // Морской сборник. 1862. № 7, июль.
3. *Решетников Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 6 т. Свердловск : Свердловгиз, 1936 [на переплете 1937] –1948.
4. *Рогов Я.* Заметки во время плавания по реке Чусовой // Журнал министерства внутренних дел. 1852. Кн. 1. Январь, Ч. 37.
5. *Скворцов С.* <Скворцов И. С.>. Материалы о Ф. М. Решетникове. Свердловск, 1950 [самиздат].

И. С. Федоров (Екатеринбург)

Предсмертный монолог Анны: Толстой, Кьеркегор и святоотеческая традиция*

«Анна Каренина» – роман, занимающий особое место и в истории литературы, и в творчестве Льва Толстого. Это роман, который предвещает кризис как в судьбе самого писателя, если говорить о духовных поисках Толстого, так и в целом реалистическом направлении в литературе.

Изучение романа «Анна Каренина» началось уже в конце XIX в. Основу анализа его художественного мира заложили Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, И. А. Бунин, Д. С. Мережковский [5; 8; 3; 10]. Более глубоко внутреннее строение романа рассмотрено в работах исследователей XX в.: Э. Г. Бабаева, Г. Я. Галаган, Е. Н. Куприяновой, В. В. Набокова, В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума [1; 2; 4; 6; 11; 17; 18]. В последние пятнадцать лет появились также работы, в которых роман «Анна Каренина» рассматривается в аспекте религиозных, духовно-нравственных поисков Толстого. Это труды И. Б. Мардова, О. В. Сливичкой, А. Б. Тарасова [9; 13; 14].

С появлением романа в печати о нем заговорили как о животворном произведении, «куске самой жизни» (см.: [13, с. 307]). Естественно,

* Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Н. В. Пращерук.